

УДК 81'371

ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Л.В.Попова

LAWFUL BEHAVIOR IN RUSSIAN PROVERBS AND HISTORICAL LEGAL ACTS

L.V.Popova

Миасский филиал Челябинского государственного университета, mila_ful@mail.ru

В статье рассматривается репрезентация непрофессионального и профессионального представления о правомерном поведении в русском языковом сознании. Устанавливается связь между языковым воплощением понятия «законопослушный человек» и этнокультурными доминантами. Определяются последствия этнокультурной ориентации юридического языкового сознания.

Ключевые слова: *непрофессиональное языковое правосознание, правомерное поведение, профессиональное языковое правосознание, профессиональная языковая личность, языковая репрезентация понятия*

The paper focuses on representation of nonprofessional and professional concept of lawful behavior in the Russian language consciousness. The relation between the language embodiment of the concept «law-abiding person» and the ethnocultural dominants is established. The consequences of ethnocultural orientation of the legal language consciousness are determined.

Keywords: *nonprofessional language legal consciousness, lawful behavior, professional language legal consciousness, professional language personality, language representation of a concept*

Способность пословиц аккумулировать и транслировать культуру народа используется в филологических исследованиях для изучения национальной языковой картины мира. Однако влияние пословиц на языковое сознание и речевое поведение представителей различных социальных и профессиональных групп нуждается в более глубоком рассмотрении.

И.Снегирёв писал: «Как пословицы составляют первичную форму права: то в них открываются следы правь государственного, канонического, гражданского и уголовного сь их судебными обрядами, юридическiе символы, и вообще юридическая поэзия Русскаго народа посему онѣ принимаются юристами за первобытные источники права». Пословицы, возникшие в связи с развитием юридических отношений, отражают устойчивые представления национально-языкового коллектива о типичных правовых реалиях: юридическая норма, правомерное поведение, неправомерное поведение, суд, наказание и т.п. Подчеркнем, что пословицы фиксируют не столько сущность данных реалий, сколько выражают их оценку. В этом случае речь идет о правосознании (в теории права понимается как совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни [1, с. 302]), а именно о его обыденном типе, свойственном основной массе членов общества, формирующемся в повседневной жизни граждан в сфере правового регулирования, выражающемся в знании общих принципов права, причем обыденные право-

вые воззрения тесно переплетаются с нравственными представлениями [1, с. 305].

По нашему мнению, русские юридические пословицы ценны не только как репрезентаторы обыденного, или непрофессионального, правосознания, но и как регуляторы процесса становления профессионального правосознания. Каждая профессиональная языковая личность является членом этноязыкового коллектива, а значит, находится под влиянием этнокультурных доминант, что особенно заметно на ранних этапах развития права. Перед профессиональным юридическим сознанием стоит серьезная задача: воплотить в юридической речи строгие правовые нормы, обязательные для членов общества. С одной стороны, понятность, доступность языкового воплощения правовых предписаний может положительно влиять на эффективность их реализации. Опора на общенародный язык, в том числе на пословицы в целом и их компоненты в частности, приводит к проникновению в сферу правовой коммуникации национальных установок и стереотипов, упрощающих правовые понятия, адаптирующих их к восприятию непрофессионалами.

С другой стороны, погружение профессионалов в лингвокультурную и стоящую за ней этноментальную стихию с большой долей вероятности влечет за собой замедление процесса формирования собственно юридического мышления и профессионального правосознания, а также приводит к недостаточной дифференциации юридической сферы общения и обыденно-нравственной. Правовые нормы, в отличие

от морали, в силу более позднего исторического возникновения не являются первичной системой регуляции поведения человека. Проведение аналогий мораль / право в юридической коммуникации, особенно путем замещения правовых понятий этическими, имплицитно создает возможность для непрофессионалов руководствоваться морально-этическими представлениями в правовых отношениях. Негативным последствием этической национально-культурной ориентации правосознания становятся низкая степень определенности, подчеркнутая вторичность и низкий статус правовых норм.

Проиллюстрируем вышеизложенные рассуждения анализом исторического речевого материала. Предметом анализа в данной работе является представление о правомерном поведении, воплощенное в русских пословицах и правовых актах XVII—XVIII веков, то есть в обыденном и профессиональном юридическом языковом сознании. Целью анализа считаем выявление связи между языковым воплощением понятия «законопослушный человек» и этнокультурными доминантами.

Из собраний И.Снегирёва [2] и В.Даля [3] нами были выделены пословицы, в которых речь идет о людях, чье поведение не противоречит правовым нормам. Установлено, что в пословицах с этой точки зрения охарактеризованы как непрофессионалы, так и профессионалы. Так, в пословице *Вора помиловать, добраго погубить* [2] выражено обыденное представление о законопослушном человеке. Номинация адъективного типа *добрый* в контексте пословицы находится в оппозиции к субстантивной номинации *вор*. Если *вор* — преступник, то *добрый* — человек, который не совершает преступлений. По-видимому, данная номинация подразумевает в первую очередь непрофессионала, хотя может быть использована и по отношению к профессионалу. В пословице *За правду бог и добрые люди*, помещенной в разделе «Суд — правда» [3], под правдой понимается положение дел в рамках законности (неправда — преступление), а люди, соблюдающие установленные нормы и добивающиеся защиты своих прав во время судебного процесса, названы добрыми. Очевидно, в данной пословице двухкомпонентная номинация с адъективом *добрые* прежде всего относится к непрофессионалам. Аналогичная по структуре номинация использована для характеристики законопослушных профессионалов в пословице *Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся* [3]. Здесь устанавливается связь между профессиональной деятельностью судей, соблюдающих правовые нормы, и отсутствием людей, умышленно пытающихся ввести в заблуждение представителей закона, например ложным доносом.

Анализ словарных дефиниций [4-6; 7, II; 8, VI; 9, I; 10] показывает, что полисемант *добрый* обобщает такие социально одобряемые качества личности, как терпимость, снисходительность, доброжелательность, честность, порядочность, благонамеренность, усердие, компетентность, но не имеет отдельного значения, характеризующего человека как участника правоотношений. Инвариантный смысл лексемы *добрый* — «обладающий положительным свойством в

соответствии с какой-либо нормой (преимущественно этической)». Сложность семантической структуры прилагательного *добрый* коррелирует с широким значением существительного *добро* «всё положительное, противоположное злу» [5; 7, II; 9, I; 10; 6; 8, VI]. Лексико-семантическое поле «добро» репрезентирует этический концепт «добро», включенный в русские лингвокультурологические словари [11, 12]. «<...> «добро» в сознании русского человека является важнейшим понятием, раскрывающим его оценочное действие по отношению к самому себе и другим людям» [11, с. 73].

Обобщая пословичный речевой материал, можно сделать вывод о том, что лексема *добрый* является универсальной номинацией законопослушного субъекта и несет в себе мелиоративно-оценочную характеристику по шкале «добро — зло». Использование лексемы *добрый* как оценочной номинации является одним из признаков русского языкового сознания и — шире — русской ментальности. Так называемая моральная ориентация, или «моральная страстность», русской души выражается в коммуникативном поведении через склонность к моральным суждениям, положительным и отрицательным моральным оценкам [13].

Лингвистическое изучение правовых актов XVII—XVIII веков позволяет предположить, что актуальная в юридическом контексте номинация субъекта правомерного поведения «прилагательное *добрый* + существительное *человек* / существительное — конкретное наименование должности» была введена с ориентацией на пословицы, обобщающие стереотипные речевые модели непрофессиональной коммуникации. В своде юридических норм «Уложение» 1649 года регулярно используется устойчивое сочетание *человек добрый*, в составе которого лексема *добрый*, адаптируясь к номинации правового понятия, развивает дополнительное значение «человек, соблюдающий нормы права». Для профессионального юридического языкового сознания XVII века, как и для обыденного языкового сознания, семантическая оценка *добрый* применима в качестве характеристики непрофессионалов и профессионалов: «А на котораго человека въ розбоѣ языкъ говорить, а въ обыску его назовуть половина *добрымъ человекомъ*, а другая половина назовуть лихимъ *человекомъ*: и того человека пытатъ <...>»; «<...> А будетъ кто объ немъ учнетъ битъ челомъ, что онъ конечно болѣнь, а къ суду ему въ свое мѣсто прислатъ нѣкого, что онъ безсемейной и безлюдной человекъ: и того больнаго послати осмотрѣть подьячаго *добраго*» (в этом предложении общая номинация конкретизирована введением наименования должности *подьячий*) [14, I: № 1].

Номинация *человек добрый* остается востребованной в юридической коммуникации XVIII века, функционируя в правовых актах. «Надлежитъ знать воѣмъ, какъ съ тѣмъ поступать, кто чести лишень, шельмованъ (то есть изъ числа *добрыхъ людей* и вѣрныхъ извергнуть.)» [14, V: № 3006]. «И буде изъ Фискаловъ кто явится въ своемъ дѣлѣ неприлежень и нерадѣтель, и

таковыхъ отъ того чина отставливать, а на ихъ мѣсто выбирать иныхъ людей добрыхъ, и правдивыхъ <...>» [14, V: № 2786]. «Оберъ-Президентъ и Магистрата Члены обще и каждый особо имѣють паче всего Его Царскому Величеству, и Ея Величеству Государынѣ Царицѣ и Высокимъ Наслѣдникамъ вѣрные, честные и добрые люди и слуги быть <...>» [14, VI: № 3708]. По аналогии с пословичной номинацией *добрые судьи* в юридических текстах продуцируются номинации различных должностных лиц, соблюдающих нормы права: *добрые юристы* [14, V: № 3006]), *добрые досмотрители*, *добрые служители* 'сотрудники полиции' [14, VI: № 3708]), а также обобщенная номинация *добрая полиция* [14, VI: № 3708]).

По нашему мнению, при декодировании юридической информации из данных текстов на первый план в языковом сознании адресата выходит именно лексико-семантическое поле «добро» (а в языковой картине мира — концепт «добро»), вследствие чего и в профессиональном, и в непрофессиональном правосознании образ законопослушного человека подменяется образом человека с положительными свойствами. Необходимая для эффективной юридической коммуникации связь с лексико-семантическим полем «закон» (и концептом «юридический закон», концептуальным полем «юридическая норма») не обозначена. Такая связь могла быть актуализирована путем введения профессиональных номинаций простого типа *законопослушник*, *законослужитель*, *законохранитель*, *законоблюститель*, *законоисполнитель* либо сложного типа «производное прилагательное с корнем -закон- + существительное *человек* / существительное — конкретное наименование должности» (*законопослушный человек*), выражающих не абстрактную этическую, а конкретную юридическую оценку. Перечисленные дериваты лексемы *закон*, обладающие семантикой 'человек, соблюдающий нормы права' и 'человек, способствующий соблюдению норм права', существовали в лексической системе русского языка [7, III, VI; 9, II; 8, VII; 10].

Таким образом, профессиональное юридическое сознание XVII—XVIII веков имеет этноспецифичную моральную ориентацию, опираясь на вербально-семантические ресурсы пословиц, отражающих обыденное правосознание. При этом пословицы были для юристов не только «первобытными источниками права», как пишет И.Снегирев, но и моделями осмысления современных правовых реалий. Данный феномен имеет положительные (понятность, простота правовой информации для членов этноязыкового коллектива) и отрицательные (недостаточная определенность и низкий статус правовых норм) последствия.

1. Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К.Бабаева. М., 2001. 656 с.
2. Русскія народныя пословицы и притчи, изданныя И.Снегиревымъ. М., 1848. 503 с.

3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2002. 612 с.
4. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). М., 1999. 842 с.
5. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) [Электронный ресурс]: в 10 т. Т. III. М., 1989. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641>.
6. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977. 404 с.
7. Словарь Академии Российской. СПб., 1790. Ч. II. 1792. Ч. III. 1794. Ч. VI.
8. Словарь русского языка XVIII века [Электронный ресурс]. Л., 1984—1991. Вып. 1—6; СПб., 1992—... — Вып. 7—... URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
9. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847. Т. I, II.
10. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.; М., 1903. 638 с.
11. Кобякова Т.И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь. Уфа, 2004. 158 с.
12. Саяхова Л.Г. Русское слово — русский мир: Лингвокультурологический словарь-минимум / Л.Г.Саяхова, Л.К.Муллагалиева, Д.М.Хасанова. Уфа, 2010. 202 с.
13. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М., 1996. 416 с.
14. Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Собрание Первое. Т. I, V, VI. СПб., 1830.

References

1. Babayev V.K., ed. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk [State and right theory: textbook]. Moscow, 2001. 656 p.
2. Russkiya narodnyya poslovitsy i pritchi, izdannyya I.Snegirevym [Russian national proverbs and parables, published by I.Snegirev]. Moscow, 1848. 503 p.
3. Dahl V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 2002. 612 p.
4. Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X—XI vekov) [Old Slavic dictionary (according to manuscripts of the X-XI centuries)]. Moscow, 1999. 842 p.
5. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.) [Dictionary of Old Russian language (the XI-XIV centuries)] [Electronic resource]: in 10 vol. Vol. III. Moscow, 1989. Available at: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641>.
6. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. [Dictionary of Russian of the XI-XVII centuries]. Iss. 4. Moscow, 1977. 404 p.
7. Slovar' Akademii Rossiyskoy [Dictionary of academy Russian]. St. Petersburg, 1790, p. II. 1792, p. III. 1794, p. VI.
8. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of Russian of the XVIII century] [Electronic resource]. Leningrad, 1984—1991. Rel. 1—6; St. Petersburg, 1992—... — Rel. 7—... Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
9. Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlenyy vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii Nauk [The dictionary Church Slavonic and Russian, made by the second office of Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1847. Vol. I, II.
10. Dahl V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskago yazyka [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Vol. I. St. Petersburg; Moscow, 1903. 638 p.
11. Kobyakova T.I. Kontsepty dukhovnosti v russkoy yazykovoy kartine mira [Spirituality concepts in the Russian language worldview]. Lingvokulturology dictionary. Ufa, 2004. 158 p.
12. Sayakhova L.G. et al. Russkoe slovo — russkiy mir: Lingvokul'turologicheskiy slovar'-minimum [The Russian word — the Russian world: Lingvokulturology dictionary minimum]. Ufa, 2010. 202 p.
13. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Yazyk. Culture. Knowledge]: translation from English. Moscow, 1996. 416 p.
14. Polnoe sobranie zakonov" Rossiyskoy Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Part one. Vol. I, V, VI. St. Petersburg, 1830.